

⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. / Стат. ежегодн. М., 1988. С. 218.

⁹ Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1962. С. 106.

¹⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1962. С. 106; Восточное Забайкалье. Иркутск, 1968. С. 128; Народное хозяйство Читинской области: Стат. сб. Иркутск, 1965. С. 58; Мельник А.В. Указ. соч. С. 248.

¹¹ Восточная Сибирь: Эконом.-геогр. характеристика. М., 1963. С. 330.

¹² Рассчитано по: Восточное Забайкалье... С. 128; Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1967. С. 61; 1976. С. 47, 48; 1981. С. 53–54; Мельник А.В. Указ. соч. М., 1999. С. 248; Народное хозяйство Читинской области: Стат. сб. Чита, 1993. С. 189; Народное хозяйство БАССР в 10 пятилетке. Улан-Удэ, 1981. С. 74, 76, 84.

¹³ Народное хозяйство БА АССР... С. 78; Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1976. С. 48.

¹⁴ Рассчитано по: Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1976. С. 47; Народное хозяйство Читинской области: Стат. сб. Иркутск, 1976. С. 41; Народное хозяйство БАССР... С. 75–76; Мельник А.В. Указ. соч. С. 248.

¹⁵ Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1976. С. 48; Народное хозяйство БАССР... С. 78–79.

¹⁶ Рассчитано по: Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1976. С. 47–48; 1981. С. 53–54; Мельник А.В. Указ. соч. С. 248; Народное хозяйство Читинской области: Стат. сб. Чита, 1993. С. 189; Народное хозяйство БАССР... С. 74–76, 84.

¹⁷ Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1981. С. 54; Народное хозяйство БАССР... С. 86.

¹⁸ Рассчитано по: Мельник А.В. Указ. соч. С. 248; Народное хозяйство Читинской области: Стат. сб. Чита, 1993. С. 189; Иркутская область за годы 12 пятилетки: Стат. сб. Иркутск, 1991. С. 384 и др.

¹⁹ Рассчитано по: Мельник А.В. Указ. соч. С. 248; Народное хозяйство Читинской области: Стат. сб. Чита, 1993. С. 189; Народное хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1981. С. 53–54; Народное хозяйство БАССР... С. 74–76, 84; Иркутская область за годы реформы 1990–1996 гг. Стат. сб. Иркутск, 1996. С. 83 и др.

²⁰ Львов Д.С. Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1998. С. 103.

²¹ Рассчитано по: Регионы России: Стат. сб. Т. 2. М., 2001. С. 509, 511, 515.

А.М. Курышов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ПОТРЯСЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА ИЛИ ЕГО МОДЕРНИЗАЦИЯ?

В последнее десятилетие проблема возрождения традиционного хозяйства коренных народов Сибири все чаще поднимается на страницах периодической печати и в научных трудах исследователей. Возрождение хозяйственных традиций рассматривается как одно из неперенных условий физического сохранения этносов и развития их самобытной культуры. Нередко необходимость такого возрождения аргументируется тем, что традиционное национальное хозяйство оптимально соответствует конкретным географическим условиям какого-либо региона, под влиянием которых данное хозяйство и формировалось. Проблема была обозначена еще в начале прошлого столетия, когда традиционный хозяйственный уклад, прежде всего коренных жителей Юго-Восточной Сибири, подвергся серьезному удару со стороны российского правительства, задумавшего провести реформу землеустройства в целях высвобождения удобных для ведения земледелия земель в интересах колонизации. В результате реформы сибирские кочевники-скотоводы должны были перейти к оседлому образу жизни и земледелию. Только тогда говорили не о возрождении, а о сохранении традиционного хозяйства. Известный этнограф и историк С.П. Швецов в работе «Этнография и народное хозяйство» писал: «Он (быт. — А.К.) является, как неотвратимый результат длительных взаимоотношений живущего и хозяйствующего человека и окружающей природы, создающих как хозяйственные формы, так и формы общения людей между собой, которые находятся в полной гармонии с окружающей природой и живущим и действующим в ее обстановке человеком»¹. И далее: «Содействие развитию хозяйственных форм для населения, вынужденного условия-

ми внешней природы к занятию скотоводством, соединенным с перемещением пастбищ, должно быть направляемо не в сторону перехода от скотоводства к земледелию, так как это, кроме потрясения хозяйства и обнищания самих скотоводов ничего дать не может, а в сторону развития новых форм внутри самого скотоводческого хозяйства, его наибольшего приспособления к всесторонним интересам самого скотовода»².

Проблема сохранения традиционного хозяйства в Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. была связана, прежде всего, с трансформацией хозяйственного уклада бурятского населения, которая выразилась в постепенном переходе большей части иркутских бурят к оседлому земледелию. Как полагают, немалую лепту в этот процесс внесла реформа землеустройства. С переходом к земледелию бурятское население потеряло традиции природопользования, что отрицательно сказалось не только на социальном уровне, но и ухудшило экологическую обстановку в регионе (распашка степей и эрозия почв)³. Не претендуя на всесторонний анализ взаимного влияния географического фактора и хозяйственного быта, попытаемся ответить лишь на один вопрос: соответствовала ли реформа землеустройства бурят Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. общим тенденциям развития традиционного бурятского хозяйства, в том числе с точки зрения природной целесообразности.

Как уже отмечалось, реформа землеустройства, инициированная законами 1896 и 1898 гг. была призвана сформировать колонизационный земельный фонд. Таким образом, правительство намеревалось решить проблему малоземелья в Центральной России, а заодно и снизить социальную напряженность в русской деревне. Земельные наделы инородцев ограничивались 15 десятинами на душу мужского пола, что, ввиду явной недостаточности этой площади для ведения скотоводческого хозяйства, должно было исподволь способствовать переходу бурят к земледелию. Инородцы-земледельцы приписывались к крестьянскому сословию и должны были с этого момента отбывать воинскую повинность и платить одинаковые с русскими крестьянами подати. Чиновники землеустроительных партий утверждали, что именно последнее обстоятельство, наряду с нежеланием бурятской верхушки терять власть и земли, и является главной причиной противо-

действия бурят реформе⁴, тогда как в прошениях самих бурят, как правило составленных с подачи зажиточных хозяев, сдающих земли в аренду, преобладают жалобы на невозможность занятия скотоводством при новых нормах земли. Когда же населению объясняли, что землеустройство закрепит официально за ними 15-и десятинный участок, буряты нередко сами просили в кратчайшие сроки закончить землеустроительные работы⁵. Чем объясняется такое желание, вполне нормальное для земледельца, но, по меньшей мере, странное для скотовода, опасющегося потерять свои пастбища? Как представляется, в основном по двум причинам: во-первых, крупные участки земель имели далеко не все буряты, постепенное разложение родовых отношений привело к тому, что большая часть бурятского населения не имела в пользовании и 15 десятин, а реформа предлагала земельный передел; во-вторых, что для нашего вопроса более важно, земледелие давно было знакомо бурятам.

Факт существования у бурят Иркутской губернии развитого земледелия на рубеже веков не подлежит сомнению. Вообще земледелие у бурят, по крайней мере, у их иркутской и ольхонской общностей, известно до появления в Сибири русских. Выращивали в основном просо, позднее — гречиху и ячмень⁶. В XIX веке, по всей вероятности, земледелие у прибайкальских бурят постепенно вытесняет скотоводство. Причем масштабы этого процесса были столь значительны, что вызывали беспокойство властей за будущее животноводства в крае. В документе, относящемся к 1812 году, найденном в начале XX века в одной из волостей Верхотурского уезда и опубликованном в журнале «Сибирский архив», говорится: «Губернское правительство между прочим усмотрело, что, при маловажном земледелии у большей части братских скотоводство их год от году приходит до того в упадок, что можно считать его ничего не значащим. Известно, что здесь в прежние времена, когда братские совсем или очень мало занимались хлебопашеством, скотоводство было в возможно цветущем состоянии. По сему судя, полагать должно, что распространение земледелия у братских есть причина упадка скотоводства, ибо вместо того, что сие новое занятие должно бы сделать их трудолюбивейшими, они напротив, получая нужное содержание от хлебопашества, стали нерадивейшими к

скотоводству»⁷. В начале XIX века еще не стоял вопрос о перераспределении земель инородцев, поэтому озабоченность чиновников распространением у бурят земледелия в ущерб скотоводству кажется достаточно искренней. С течением времени хлебопашество становится основным занятием для многих бурят. По данным местной подворной переписи 1887–89 гг., предпринятой в интересах исследования сельских районов губернии в преддверии грядущей реформы, в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах площадь пашни по отношению ко всей «удобной» земле среди русских волостей варьируется от 8,0 до 37,9%, среди бурятских ведомств — от 2,8 до 30,8%⁸. В Верхолениском округе среди ведомств этот показатель колеблется в пределах 4,7–31,5% при среднем значении 15,2% в волостях⁹. Исследователи отмечают, что в целом, в сравнении с территориями, населенными преимущественно русскими, «инородческие земли отличаются сравнительно меньшим развитием площадей усадьбы и пашни и значительно большим — покосов»¹⁰, что косвенно может свидетельствовать о еще значительной роли скотоводства в бурятском хозяйстве. Однако, показатель площади пашни к площади всей удобной земли, будучи показателем количественным, не может являться главным признаком, характеризующий уровень развития земледелия. Например, упомянутая минимальная величина для бурятских ведомств (2,8%) относится к единственному в Нижнеудинском уезде ведомству (Нижнеудинская землица), население которого давно перешло к оседлому образу жизни, имело статус оседлых, а не кочевых инородцев и занималось почти исключительно земледелием. Малая величина площади пашни к площади удобной земли здесь объясняется тем, что в пользовании нижеудинских бурят находились огромные лесные пространства, также включаемые в разряд «удобных земель». Поэтому гораздо более важным показателем представляется величина площади пашни, приходящейся на человека. В нашем распоряжении есть данные подворной переписи о площади пашни на приписную душу у инородцев. Эта величина составляла: в Иркутском округе — 3,1, в Балаганском — 5,5, в Нижнеудинском — 3,5, в Верхолениском — 4,0 десятины¹¹. Разумеется, что это лишь средние цифры, они значительно разнятся по отдельным бурятским ведомствам и русским волостям. Значительную роль в

этом вопросе играет географическое положение. Значение земледелия для бурятского населения может быть проиллюстрировано следующей таблицей.

Таблица 1

*Площадь пашни (с залежами) на приписную душу в бурятских ведомствах Иркутской губернии по результатам местного исследования 1887–1889 гг.*¹²

Ведомства	Десятин	Ведомства	Десятин
Иркутский округ		Нижнеудинский округ	
Кудинское	3,8	Нижнеудинская землица	3,5
Капсальское	4,3	Средний показатель по округу по ведомствам	3,5
Китойское	4,2	Средний показатель по округу по волостям	4,7
Тункинское	1,9	Верхоленинский округ	
Средний показатель по округу по ведомствам	3,1	Верхне-Кудинское	2,8
Средний показатель по округу по волостям	3,4	Басандаевское	4,3
Балаганский округ		Хототовское	4,6
Молькинское	4,4	Куленгское	3,2
Улейское	5,8	Ленское	4,7
Бильчирское	5,7	Ангинское	4,4
Укырское	9,5	Ольхонское	Нет данных
Боханское	7,5	Средний показатель по округу по ведомствам	4,0
Балаганское	4,0	Средний показатель по округу по волостям	3,1
Аларское	6,2	Средний показатель по губернии по ведомствам	4,0
Средний показатель по округу по ведомствам	5,5	Средний показатель по губернии по волостям	4,0
Средний показатель по округу по волостям	4,7	Средний показатель по губернии	4,0

Как видим, наряду с районами животноводческими (например, Тункинская долина), существовали ведомства исключительно земледельческие. Так, в Боханском и Укырском ведомствах Балаганского округа «почти все население заня-

то земледелием»¹³, площадь пашни здесь составляла 7,5 и 9,5 десятин на приписную душу соответственно (последнее значение — наибольшее в губернии). В трех ведомствах из четырех Иркутского округа этот показатель превосходил среднюю величину по крестьянским волостям того же округа. В целом, величины площади похотных земель, находящихся в пользовании инородцев и русских крестьян, вполне сопоставимы. Однако и показатель площади пашни на приписную душу не отражает реального положения дел, поскольку, во-первых, количество приписного и наличного населения различно, во-вторых, в состав пашни входят как запашка («мягкая пашня»), непосредственно обрабатываемая, так и залежи. Поэтому представляется необходимым проанализировать данные о площади запашки.

Таким образом, площадь запашки в ведомствах в целом по губернии даже выше, чем в волостях. Разумеется, это не говорит о том, что бурятское земледелие совершеннее крестьянского. Это говорит, скорее, о том, что среди крестьян ощущалась нехватка земли. И все же, приходится признать, что уровень развития земледелия у бурят если и уступал таковому у русских, то незначительно. В связи с этим нельзя не отметить, что позже, во время землеустроительных работ, иногда инородцы, ради приобретения дополнительных пашен готовы были пожертвовать даже покосами¹⁵. По данным переписи 1897 года, непосредственно перед реформой, 21491 из 24377 самостоятельных хозяев-бурят (98786 человек с членами семей из 108867), или 88% (91% населения), основным своим занятием называли земледелие, и лишь 6449 человек (около 6% населения) считали себя скотоводами¹⁶.

Интересно, что площадь пашни так называемых «кочевых» инородцев зачастую превосходит таковую у инородцев «оседлых». Так, в уже упоминаемом ведомстве Нижнеудинская землица, она меньше, чем в Ленском ведомстве Верхотурского округа, где «оседлых» почти не было. Куленгское ведомство того же округа также отличается сравнительно низкой величиной площади пашни от соседних ведомств, хотя именно здесь отмечен наибольший процент оседлых инородцев¹⁷.

Таблица 2
*Площадь мягкой пашни на наличную душу (обоих полов)
в бурятских ведомствах Иркутской губернии
по результатам местного исследования 1887–1889 гг.*¹⁴

Ведомства	Десятин	Ведомства	Десятин
Иркутский округ		Нижнеудинский округ	
Кудинское	1,76	Нижнеудинская землица	1,87
Капсальское	2,13	Средний показатель по округу по ведомствам	1,87
Китойское	1,98	Средний показатель по округу по волостям	2,21
Тункинское	1,01	Верхотурский округ	
Средний показатель по округу по ведомствам	1,72	Верхне-Кудинское	1,20
Средний показатель по округу по волостям	1,81	Баендаевское	1,72
Балаганский округ		Хоготовское	1,90
Молькинское	2,03	Куленгское	1,66
Улейское	2,78	Ленское	2,07
Бильчирское	2,66	Ангинское	2,23
Укырское	3,91	Ольхонское	Нет данных
Боханское	3,54	Средний показатель по округу по ведомствам	1,80
Балаганское	2,99	Средний показатель по округу по волостям	1,58
Аларское	2,78	Средний показатель по губернии по ведомствам	2,09
Средний показатель по округу по ведомствам	2,96	Средний показатель по губернии по волостям	1,98
Средний показатель по округу по волостям	2,33	Средний показатель по губернии	2,04

Подобная ситуация наблюдается и в Тункинском ведомстве, где площадь запашки минимальная для ведомств, население занималось преимущественно скотоводством, и, вместе с тем, в этом ведомстве наименьший для Иркутского округа про-

цент кочующих инородцев¹⁸. Но теми же исследователями отмечается, что многие «оседлые» инородцы кочуют так же, как «кочевые»¹⁹. Все эти факты указывают на относительность понятий «кочевой» или «оседлый» в условиях Иркутской губернии. Действительно, кочевой образ жизни прибайкальских бурят был мало похож на классическое «номадное» скотоводство забайкальских бурят и монголов. Скот лишь на период с мая по сентябрь перегонялся на летние пастбища, которые были постоянными, здесь же располагались летние жилища, т.н. «летники»²⁰. В другое время года буряты жили в постоянных деревянных жилищах. «В настоящее время уже нет почти хозяйств, имеющих одни только юрты... Вообще, у бурят гораздо менее нежилых построек, чем у русских; скот бурятский, а в особенности — лошади — почти всю зиму стоит на дворе», — отмечают исследователи²¹. Кроме этого, многие буряты, как «кочевые», так и «оседлые», имели т.н. «осенники» — жилища близ отдаленных пашен. Здесь скот содержался до декабря²². Наличие осенников не указывает на кочевой образ жизни бурят, а скорее говорит об их желании оптимизировать земледельческую деятельность в местных условиях, — с отдаленных пашен солому было трудно вывезти, и скот кормился ею на месте. Но и такой порядок подвергался постепенному изменению в сторону отказа от периодических кочевок. Так в Нельхайском ведомстве Балаганского уезда к 1900 году из 30 улусов 13 перестали кочевать и 7 продолжали делать это время от времени²³. Количество скота у бурят, довольно значительное в сравнении с русским населением, но недостаточное с точки зрения кочевника, живущего скотоводством, также не может являться свидетельством преобладания скотоводства над земледелием (например, в 1899 году в Иркутском уезде на душу приходилось 5,1, в Верхонском — 5,2, в Балаганском — 3,9 головы различного скота)²⁴. Причина этого феномена состоит в недостатке покосов, имеющих в Иркутской губернии особую ценность. Об этом говорит хотя бы тот факт, что условия аренды покосов пересматривались ежегодно, тогда как аренда пашни была, как правило, долгосрочной. Регулярное сенокошение, сравнительно небольшое для «номадного» хозяйства количество скота и постепенный отказ от кочевек роднит бурятское скотоводство с животноводством русских крестьян. Каче-

ственный состав скота иркутских бурят также нехарактерен для хозяйства монгольского или забайкальского типов, где «конские табуны преобладали над стадами крупного рогатого скота»²⁵. В Прибайкалье картина прямо противоположная. В Верхонском округе, самом «неземледельческом» из округов с бурятским населением, в 1889 году на одно наличное хозяйство приходилось 2,2 рабочих лошадей и 8 голов КРС²⁶ (у русских крестьян — 2,4 и 3,5 соответственно)²⁷. Такой характер скотоводства облегчал интеграцию традиционного бурятского хозяйства и хозяйства крестьянского, также ориентированного на природные особенности региона.

Естественно, что кочевки, хотя и незначительные и непостоянные, а также еще сохраняющее свое значение скотоводство требовали определенных условий, в частности — земельных площадей. В конце XIX века буряты имели в пользовании обширные земли. По качественным характеристикам земля делилась на удобную и неудобную. Удобная земля, в свою очередь, подразделялась на шесть типов угодий: усадебные земли, пашня и земли, удобные для пашни, покосы, скотские выгоны, степь и лес. Относительно немногочисленные инородцы пользовались 48% земельных угодий на территории четырех округов²⁸. Исключив леса, составляющие зачастую более половины всех земельных угодий, и сопоставив площадь оставшихся земель с численностью населения, получаем следующие данные: на душу населения у инородцев Иркутского округа приходилось 6,9 дес., Балаганского округа — 11,1 дес., Нижнеудинского округа — 14 дес., Верхонского округа — 11,7 дес., в среднем по четырем округам — 10,9 десятины. У русских крестьян эти показатели — 3,7 дес., 5,2 дес., 7,2 дес., 3,2 дес. и 4,8 десятины соответственно. Конечно, говоря о явном количественном превосходстве бурятского землепользования над крестьянским, нельзя не учитывать некоторые моменты. Во-первых, разработка земли, ее включение в сферу деятельности человека, на степных пространствах значительно дешевле, чем в таежной зоне. Особенно это справедливо для пахотных земель: «Буряту, обеспеченному мелколесьем и степью, культивируемая земля обходится много дешевле, чем русскому крестьянину, селящемуся в дремучем лесу»²⁹. Если стоимость расчистки и пахоты одной десятины в тайге

доходила до 100 рублей, то, например, в степном Боханском ведомстве Балаганского округа она составляла 28–39 рублей. Во-вторых, в степных районах, где обычно и проживали инородцы, низкое качество почв, неглубокий снежный покров (что создавало проблему для посевов озимой ржи) заставляли земледельцев расширять площади посевов. Наконец, в-третьих, значительная роль скотоводства определяла нужду в утугах и выгонах, о чем говорят процентные показатели этих видов угодий по отношению к площади всей удобной земли. Например, в Верхоленинском районе выгон у инородцев составлял 23,5%, тогда как у русских — 6,2%³⁰.

Таким образом, в конце XIX–начале XX вв. бурятское хозяйство уже было земледельческим, хотя, по сравнению с хозяйством русских крестьян, оно обладало специфическими чертами, выражающимися в еще значительной роли скотоводства. Скотоводство иркутских бурят нельзя назвать «кочевым» в классическом значении этого термина. В местных географических условиях оно и не могло быть таковым, условия эти предопределили широкое развитие земледелия, позволяющего оптимизировать жизнедеятельность прибайкальских бурят. В Прибайкалье, по-видимому, до эпохи активного промышленного освоения региона происходил процесс «наступления» леса на степь³¹, площадь последней медленно сокращалась. Это, наряду с другими факторами, повлияло на трансформацию изначально кочевого хозяйства иркутских бурят в направлении развития земледельческих традиций задолго до появления русских. Приход русского населения на берега Ангары и Байкала, активная колонизация края, а позднее, — земельное переустройство конца XIX–начала XX века лишь в различной степени ускоряли этот процесс, а иногда приводили к качественным изменениям (например — переход бурятских хозяйств в конце XIX века на трехпольную систему севооборота). Русские крестьяне, в свою очередь, под влиянием бурятских хозяйственных традиций приспосабливали свое хозяйство к местным условиям (например — орошение и унавоживание полей). В результате постепенно сложилась специфическая система природопользования, отвечающая всем требованиям природных условий, и система эта не исключала, а предписывала занятие земледелием. Реформа землеустройства, в связи с этим, должна рассматриваться не как отступ-

ление от хозяйственных традиций, но как их модернизация, т.е. приведение в соответствие с современными социально-экономическими условиями.

Примечания

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.565. Оп.1. Д.140. Л.5.

² Там же. Л.13–14.

³ Мангатаева Д.Д. Трансформация традиционной культуры и хозяйствования коренных народов Байкальского региона // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 7–8 июня 2001 г. Иркутск, 2002. С.137.

⁴ ГАИО. Ф.171. Оп.1. Д.7. Л.99; Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф.16. Оп.1. Д.583. Л.26.

⁵ ГАИО. Ф.171. О.1. Д.7. Л.209

⁶ Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона. Улан-Удэ, 1999. С.65

⁷ Сибирский архив. 1912. № 3. С.170.

⁸ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. М., 1890. Т.П. Вып. 3. С.39.

⁹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округ Верхоленинский. Иркутск, 1892. Т.П. Вып. 6. С.67.

¹⁰ Материалы... Т.П. Вып. 3. С.38.

¹¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Округа Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский. М., 1890. Т.П. Вып. 2. С.106; Материалы... Т.П. Вып. 6. С.91. Здесь и далее имеется в виду казенная десятина, составлявшая 2400 кв. саженей, в отличие от хозяйственной десятины (3200 кв. саженей).

¹² Материалы... Т.П. Вып. 3. (Приложение IV). С.43; Материалы... Т.П. Вып. 6. С.91.

¹³ ГАИО. Ф.171. Оп.1. Д.378. Л.7.

¹⁴ Материалы... Т.П. Вып. 4. С.92–93; Материалы... Т.П. Вып. 6. Поселенные таблицы. С. 62, 67, 72, 77.

¹⁵ НАРБ. Ф.184. Оп.1. Д.312. Л.18.

¹⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904. С.115.

- ¹⁷ Материалы... Т. II. Вып. 6. С. 11.
¹⁸ Там же. Вып. 2. С. 149.
¹⁹ Там же. С. 150.
²⁰ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 622. Л. 1; Материалы... Т. II. Вып. 2. С. 137.
²¹ Материалы... Т. II. Вып. 2. С. 149.
²² Там же. С. 150.
²³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
²⁴ Там же. Лл. 10, 17, 20, 24.
²⁵ Зуляр Ю. В. Основные этапы животноводческого освоения Байкальской Сибири в XX веке // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. Иркутск, 2003. С. 5.
²⁶ Материалы... Т. II. Вып. 6. Поселенные таблицы. С. 75.
²⁷ Там же. С. 65.
²⁸ Материалы... Т. II. Вып. 3. Приложение IV. С. 18–20; Материалы... Т. II. Вып. 6. С. 60–6.
²⁹ Материалы... Т. II. Вып. 4. С. 6.
³⁰ Материалы... Т. II. Вып. 6. С. 61.
³¹ Грудинин Г. В. Влияние природопользования бурятского населения на спонтанные и антропогенные тенденции развития природы областей его расселения // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 7–8 июня 2001 г. Иркутск, 2002. С. 259.

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ